

бокие, новаторские труды по онтолингвистике хорошо известны, нами они воспринимаются как образец содержательного и всегда убедительного, аргументированного научного текста. Мы благодарны Вам за рождение и становление онтолингвистики, за Ваши блестящие идеи, которые Вы щедро дарите окружающим, за семинары и конференции, которые сплотили огромный круг ученых, российских и зарубежных. Ваши эрудиция, мастерство неутомимого лектора, увлеченность восхищают, покоряют не только студентов, но всех, кто слышал Ваши выступления».

Кафедра русского языка и стилистики МГУП им. И. Федорова: «Вы дарите нам радость открытия мира ребенка. Пусть Ваша деятельность продолжает быть такой же творческой, яркой, приносит вам удовлетворение, а нам — счастье посещать Ваши конференции, эти незабываемые научные встречи-общения, читать Ваши новые книги, испытывать чувство сопричастности к изучению (вместе с Вами!) удивительного мира детства и убежденности в том, что мы делаем важное дело. Эту уверенность и оптимизм вселяете в нас Вы!»

Главный редактор издательства «Языки славянских культур» А. Д. Кошелев: В работах С. Н. Цейтлин убедительно показано, что «одна из центральных проблем языкознания — это объяснение той загадочной легкости, с которой ребенок за несколько первых лет жизни овладевает родным языком, несмотря на фрагментарность, бессистемность, а иногда и неправильность его инпута (звучащей в окружении ребенка речи)».

1 марта в продолжение юбилейных торжеств в Институте лингвистических исследований РАН, ведущим научным сотрудником которого много лет является С. Н. Цейтлин, состоялся доклад «О чем свидетельствуют оговорки в нашей речи?», в котором на материале речи ведущих радиостанции «Эхо Москвы» были блестяще проанализированы причины возникновения оговорок и предложена их классификация. Студенты и преподаватели филологического факультета и факультета иностранных языков РГПУ, сотрудники ИЛИ, присутствовавшие на докладе юбиляра, могли убедиться в том, что научный поиск продолжается: в своем докладе Стелла Наумовна снова в который раз затронула тему, никем еще не исследованную. И кто знает, возможно, в будущем в РГПУ им. А. И. Герцена суждено вырасти еще одному приоритетному направлению исследований под руководством профессора С. Н. Цейтлин.

В. С. Волков

У ИСТОКОВ

ЛЕНИНГРАДСКОЙ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ: БОРИС ИВАНОВИЧ САНДИН

Совсем недавно на высшем государственном уровне — в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию — прозвучало признание огромной значимости роли творческих личностей — «креативного класса» в общественном прогрессе. Креативный класс, — говорил Президент, — «а если использовать традиционное слово интеллигенция — это прежде всего врачи, учителя, преподаватели вузов, работники науки, культуры, и такие люди работают в каждом регионе, в каждом городе» [1]. В этом отношении Герценовский университет — не исключение. Напротив, креативные, творческие личности всегда были движущей силой развития университета как научно-образовательного учреждения, они создали ему добрую славу и потому заслуживают широкого признания, а те, кто ушел навсегда, еще и благодарной памяти. К их числу принадлежал и Борис Иванович Сандин (1928–1967), оставивший яркий след в истории университета.

Его непродолжительную работу в Ленинградском государственном педагогическом институте (теперь Российском государственном педагогическом университете) им. А. И. Герцена можно сравнить с метеоритом, с той лишь оговоркой, что этот космический пришелец предстает перед взорами на несколько секунд, сияя на темном небосводе, а свет, исходивший от Бориса Ивановича, долгие годы изливался на значительный круг лиц, ядром которого были сотрудники кафедры истории КПСС. Это был свет научного поиска, увлекшего учеников и последователей Бориса Ивановича, благодаря чему и сложилась герценовская, можно и шире обозначить ее границы, ленинградская школа интеллигентоведения, о которой, применительно к периоду ее расцвета, уже рассказано в одном из сборников статей [2]. Она стояла в одном ряду с новосибирской (В. Л. Сошкин и др.) и уральской (В. Г. Чуфаров, М. Е. Главацкий и др.) группами интеллигентоведов-единомышленников и в силу ряда обстоятельств уступила место ныне лидирующей ивановской школе интеллигентоведения (В. С. Меметов и др.) [3]. Основу публикаций составляют воспоминания ряда герценовцев (Н. А. Голубевой, Д. А. Егоровой, В. С. Волкова, В. В. Микшина, М. П. Филиппова, Г. К. Шлыковой), написанные ими для передачи в Музей РГПУ им. А. И. Герцена, а также научные работы Б. И. Сандина, его учеников и последователей.

Борис Иванович родился в семье крестьян в селе Старые Верхассы Инсарского района Мордовской АССР. По национальности мордвин. В 1930 г. его родители вступили в колхоз. Семья была многодетной. У Бориса Ивановича было 2 брата и 3 сестры. Отец, Иван Прокофьевич, участвовал в Великой Отечественной войне, вернулся с фронта инвалидом. Семья нуждалась. Борис в детстве испытал и бедность, и голод. Одежда — скудная, обувь: зимой валенки, летом лапти. Впоследствии он рассказывал, что первые ботинки ему купили после окончания средней школы, когда он отправился в Саранск поступать в педагогический институт. Он получил строгий наказ беречь их. Поэтому на вступительные экзамены он отправился в лаптях, а сияющие глянцевою кожей ботинки пребывали в заплечном мешке. Приблизившись к городской черте, он надел вождеденную обновку, а лапти демонстративно бросил в придорожную канаву, придав этой акции символическое значение.

У него рано обнаружилась страсть к получению знаний, он обладал сильной памятью и трудолюбием. Он успешно окончил среднюю школу и без труда сдал вступительные экзамены на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института и с 1 сентября 1945 г. стал его студентом. Способный юноша с крестьянским упорством самозабвенно осваивал институтский курс. Начиная со второго семестра он стал получать (и получал ее до окончания института) сталинскую стипендию, размер которой позволял ему учиться, не отвлекаясь на заработки. Все семестровые экзамены он сдал на отлично, на выпускных государственных экзаменах комиссия поставила ему три оценки «отлично» и одну «хорошо». В итоге он был удостоен диплома с отличием. Еще будучи студентом он в 1948 г. вступил в ряды ВКП(б).

Преподаватели Мордовского педагогического института сориентировали своего талантливую ученика на занятие научно-исследовательской работой. В 1949 г. он поступил в аспирантуру при кафедре основ марксизма-ленинизма (фактически истории ВКП(б)) Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского. Его научным руководителем был профессор К. М. Лебедев, ученый не первой величины, но мудрый и заботливый наставник. Кандидатская диссертация Бориса Ивановича была посвящена теме «Ленинградские большевики в борьбе за создание технической интеллигенции в годы I пятилетки». Борис Иванович прикипел душой к этой теме, оценил ее перспективность и привлекательность и занимался ею в последующие годы своей недолгой, но яркой жизни. В 1952 г. он успешно защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата

исторических наук и с сентября того же года был зачислен на должность старшего преподавателя кафедры основ марксизма-ленинизма Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского и работал в нем до августа 1957 г., т. е. до присоединения его к Педагогическому институту им. А. И. Герцена.

Борис Иванович пользовался авторитетом у преподавателей и студентов. Дважды он избирался секретарем институтского бюро КПСС, дважды его секретарем. В ноябре 1953 г. он женился на выпускнице этого института Инне Борисовне Большаковой, впоследствии ставшей доктором биологических наук, ведущим научным сотрудником Ботанического института Академии наук. У них родились две дочери (в 1954 г. — Елена, в 1958 г. — Ирина).

После присоединения Педагогического института им. М. Н. Покровского к Герценовскому институту не все «покровчане» могли войти в штат объединенного института и Борис Иванович в течение двух лет (с 1 сентября 1957 г. по 1 сентября 1959 г.) работал старшим преподавателем в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. Но с 1 сентября 1959 г. в Герценовском институте появилась вакансия и приказом ректора института Борис Иванович был зачислен на должность старшего преподавателя, а в декабре того же года прошел конкурсный отбор на должность доцента кафедры истории КПСС.

Благодаря своей научной эрудиции, лекторскому и ораторскому таланту, преданности профессиональному долгу, общественно-политической активности, высоким нравственным качествам Борис Иванович не затерялся среди работников Герценовского института, большинство из которых были незаурядными и яркими личностями, напротив, он занял свое, заметное место. Не стоит удивляться тому, что в 1962 г., когда истек срок работы доцента Г. Н. Позняка в должности заведующего кафедрой истории КПСС, Борис Иванович был рекомендован на эту должность ректором и партийным комитетом КПСС и избран на нее Ученым советом института. Между прочим, в составе этой кафедры было несколько человека, уже поработавших в должности заведующего (Г. Н. Быков, Д. Т. Шустов, М. М. Марагин и тот же Г. Н. Позняк). Могли быть претенденты и из других вузов. Но среди возможных кандидатов Борис Иванович выделялся своей талантливостью, хотя некоторых, как вспоминает Михаил Петрович Филиппов, смущала его молодость. И среди доцентов кафедры он был одним из самых молодых.

Чутко улавливая тенденции развития института, тактично определившись в отношении своих явных и неявных соперников накануне выборов заведующего кафедрой, опираясь на поддержку патриотов кафедры, Б. И. Сандин взял верный курс в руководстве коллективом и последовательно проводил его в жизнь на протяжении 5 лет. Как вспоминает долгие годы работавшая доцентом кафедры истории КПСС Диана Александровна Егорова, «он очень хорошо разбирался в людях. Он объективно оценивал, кто чего стоит, мог предугадать перспективы работника. Например, он правильно сделал, что перевел Е. К. Смирнову с должности лаборанта на преподавательскую работу, и она стала развиваться, расти. Он помог ей выбрать тему для кандидатской диссертации... Борис Иванович очень хорошо расставлял кадры по факультетам, считаясь с их способностями, интересами». А в характеристике Б. И. Сандина, составленной в начале 1967 г. ректором, говорилось: «С приходом Б. И. Сандина на должность заведующего кафедрой, благодаря его большой организаторской деятельности и научной помощи резко повышен уровень научной работы кафедры. С 1961 г. все 8 аспирантов кафедры успешно окончили аспирантуру и защитили диссертации. Аспиранты Микшин и Трус, у которых научным руководителем был Б. И. Сандин, досрочно защитили диссертации. Б. И. Сандин оказал большую помощь преподавателям в их научном росте, в результате 3 преподавателя защитили и 1 полностью подготовил к защите диссертацию. Всего на руководимой Б. И. Сан-

динамика кафедры защитили диссертации 17 человек» [4]. В характеристике отмечен также и значительный рост качества учебно-методической работы. Видимо, личный вклад Бориса Ивановича в достигнутые кафедрой успехи был так заметен, что он был удостоен одной из высших государственных наград — ордена Трудового Красного Знамени, которым вузовские работники награждались не часто.

Борис Иванович был убежден в том, что полноценной, эффективной научная работа кафедры может быть в том случае, если ее сотрудники сосредоточатся на исследовании крупной, общественно значимой проблемы. Для того времени это была смелая идея, казавшаяся ряду членов кафедры нереальной, так как каждый из ее сотрудников изучал свою тему и переключаться на новую, общую проблему не желал, тем более такая проблема явно не просматривалась.

Однако Борис Иванович в течение короткого срока сумел превратить в такую стержневую проблему ту, которой он занимался сам как исследователь, — формирование и развитие советской интеллигенции. А главными механизмами наращивания числа его исследователей стали аспирантура и регулярно издававшиеся тематические сборники статей. С помощью этого механизма он сумел переориентировать и некоторых преподавателей на изучение истории интеллигенции. Борис Иванович был прекрасным научным руководителем. Этому способствовали его обширные знания, глубокий аналитический ум, умение мыслить масштабно, на перспективу, и высокие нравственные качества, прежде всего порядочность, принципиальность, отзывчивость и деятельная доброта.

Интенсивно работая с опубликованными и выявленными в архивах источниками, Борис Иванович наметил для исследования обширный круг тем, которые следовало изучить в первую очередь. Их он и предлагал начинающим исследователям, поступившим в аспирантуру на кафедру истории КПСС. Он приобщил к ним почти всех своих аспирантов. В. В. Микшин работал над темой «Деятельность Ленинградской партийной организации по подготовке инженерно-технических кадров для народного хозяйства страны. 1933–1937 гг.», диссертация А. Н. Труся называлась «Деятельность Ленинградской партийной организации по подготовке кадров хозяйственного строительства. 1953–1963 гг.». В. С. Волкову, автору данной статьи, он предложил тему «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров без отрыва от производства. 1927–1937 гг.». С. Ф. Клишин исследовал тему «Московская партийная организация в борьбе за подготовку инженерно-технических кадров для народного хозяйства страны. 1928–1937 гг.». Аспирантка Н. Н. Литвинова получила тему «Коммунистическая партия — организатор создания женских инженерно-технических кадров. 1926–1937 гг.». Л. И. Краморенко стала заниматься англо-американской историографией советской интеллигенции (она свободно владела английским языком). В сознании Бориса Ивановича темы аспирантских работ вписывались в систему и предполагали изучение последовательных этапов в истории интеллигенции и всемерное расширение диапазона исследований в рамках одной проблемы. К этой тематике он стал приобщать и тех аспирантов, научное руководство которыми предполагалось поручить другим преподавателям кафедры. При этом он учитывал предшествующую профессиональную деятельность, жизненный опыт, даже семейные традиции, в выборе темы исследования. До аспирантуры учительница, а позже доцент кафедры истории КПСС Нина Александровна Голубева, вспоминая собеседование накануне вступительных экзаменов в аспирантуру, пишет: «Запомнился его любопытно-заинтересованный взгляд, любезность, внимание. Он встал навстречу мне из-за стола, протянул мне руку и поздоровался со мной. Я это восприняла как уважение ко всем учителям, к профессии учителя. Он расспросил о работе в школе. Может быть, в этот момент “вырисовалась” тема моей будущей диссертации». Действительно, после зачисления Н. А. Голубевой в аспирантуру ей была предложена

тема «Деятельность Коммунистической партии по подготовке учительских кадров в период завершения строительства социализма. 1951–1958 гг.», а руководить ее работой по просьбе Б. И. Сандина согласилась доцент Н. А. Зегжда. Доцент П. П. Нижегородов осуществлял руководство работой аспирантки Н. И. Воробьевой над темой «Деятельность КПСС по повышению активности советской интеллигенции в коммунистическом строительстве. 1959–1965 гг.», В. В. Фортунатова над темой «Идейно-политическая работа петроградских большевиков среди вузовской интеллигенции в 1921–1925 гг.». Некоторые из этих аспирантов после защиты диссертации остались работать на кафедре и в дальнейшем составили ядро ленинградской школы интеллигентоведения. Историей интеллигенции стали заниматься и преподаватели кафедры: Д. А. Егорова, М. И. Сысоев, И. Д. Ходанович.

Примером для них служили публикации самого Бориса Ивановича. В то время в качестве методологической основы исследований, тем более по истории КПСС, использовались идеи классиков марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Считалось, что диссертанту повезло, если у классиков можно было найти много изречений, которые имели отношение к теме его работы. Вдумчивые исследователи искали у основоположников марксизма идеи действительно методологического характера и руководствовались ими в анализе исторических фактов, но многие только отдавали дань установившемуся ритуалу цитирования классиков марксизма-ленинизма и руководителей КПСС. Бывало и так, что раздел «методология исследования» соискатель ученой степени мучительно сочинял, когда диссертация была уже написана. Борис Иванович добивался, чтобы аспирант овладел методом марксизма — материалистической диалектикой, постиг особенности **подхода** классиков марксизма-ленинизма к анализу той или иной стороны общественной жизни. Во второй половине 1950-х гг. был сделан первый крупный шаг в десталинизации общественной жизни, и исследователи перестали рассматривать в качестве «методологии» каждое высказывание И. В. Сталина. А до этого такой цитатнический подход нанес серьезный ущерб изучению истории интеллигенции, тем более, что Сталин высказал ряд ошибочных суждений (определение интеллигенции как прослойки между классами, о дифференциации интеллигенции по отношению к Октябрьской революции, о существовании перехода «старой интеллигенции» на позиции советской власти, об идейно-политической монолитности советской интеллигенции в конце 1930-х гг. и др.). Однако никто из советских историков даже много лет спустя после XX съезда КПСС публично не подвергал сомнению внедренный И. В. Сталиным в общественное сознание тезис, что в СССР построено социалистическое общество, хотя в действительности были заложены только его основы, к тому же при сосуществовании с досоциалистическими и антисоциалистическими чертами. И Б. И. Сандин применительно к той проблеме, вокруг исследования которой он мечтал объединить большинство членов кафедры, продолжал считать, что формирование интеллигенции в СССР происходило так, как и должно происходить в обществе, совершающем переход от капитализма к социализму.

В то время предметом непростых дискуссий стал вопрос о том, как освещать негативные явления в советском обществе, связанные с политикой Коммунистической партии. Между тем их изучения требовал принцип объективности, разделяемый учеными. Специалисты по истории КПСС нашли, как им казалось, удачный подход к освещению политики партии, не поступаясь объективностью. По их мнению, она в целом была правильной, но в ней имелись «некоторые недостатки». Одни из них оправдывались новизной задач, возникших в ходе строительства социализма, другие — объективными трудностями, третьи рассматривались как последствия культа личности Сталина (много позже эвфемизм «культ личности Сталина» был заменен термином «сталинизм», «сталинский политический режим»). Неуклюже пытаясь выйти из противоречия — политика партии правильная, но

имелись просчеты и недостатки в ее осуществлении (подлинные масштабы которых ими или игнорировались, или не осознавались), историки КПСС считали, что акцент в исследованиях нужно сделать на обобщении положительного опыта политического руководства обществом. Борис Иванович напряженно искал выход из такой противоречивой ситуации. Его методологическая рефлексия втягивала преподавателей и аспирантов в научные дискуссии. Их следы становились все отчетливее в публикациях членов кафедры, в том числе, естественно, и в работах самого Бориса Ивановича [5].

Рубежом в его научном творчестве стала опубликованная в 1958 г. статья «О подготовке инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки», которая по своему объему — 40 страниц — могла бы быть изданной в виде отдельной брошюры. Исследование выполнено на основе подхода, который позже получил название междисциплинарного (точнее его можно было бы назвать полидисциплинарным). Если другие публикации Бориса Ивановича выполнены в историко-партийном ключе, то в данной работе выражена и ее экономическая направленность: подготовку инженеров и техников автор рассматривает как составную часть воспроизводства рабочей силы. В результате в статье раскрывается не только политический фактор (партийное руководство) подготовкой кадров технической интеллигенции, но и ее обусловленность закономерностями развития советской экономики. Структура статьи отражала ход решения задач подготовки инженерно-технических кадров в том виде, как они выдвигались Коммунистической партией в изучаемый период: развитие сети учебных заведений, укрепление их учебно-материальной базы, подбор профессорско-преподавательских кадров, набор молодежи в вузы и техникумы в соответствии с установленными партией принципами, организация обучения и воспитания молодежи. Впоследствии подобная структура крупных работ по истории формирования интеллигенции в СССР стала традиционной. Пользуясь междисциплинарным подходом, Борис Иванович рассматривал, как и другие исследователи, подготовку инженерно-технических кадров как создание одной из важнейших предпосылок социалистической реконструкции (модернизации) экономики страны и в то же время указывал, что вовлечение молодежи на учебу в специальные учебные заведения являлось средством удовлетворения одной из важнейших духовных потребностей — потребности в научных знаниях. В таком контексте он, вероятно, первым, или одним из первых, стал оценивать деятельность Коммунистической партии по организации подготовки кадров.

Оценивая в целом названную статью Б. И. Сандина, можно сказать, что в концептуальном отношении и по глубине анализа фактического материала она, по критериям того времени, могла бы стать для него основой докторской диссертации по истории. В ней была удачно использована адекватная предмету методика историко-партийного исследования.

В последующие годы Борис Иванович продвигался вглубь и вширь исследуемой им проблемы, привлекая к ней своих аспирантов, в том числе и в качестве соавторов. Среди мотивов привлечения молодых соавторов у Бориса Ивановича на первом месте стояло стремление помочь аспиранту быстрее овладеть приемами работы с источниками и навыками создания научных текстов. Об опыте работы Б. И. Сандина с аспирантами красочно рассказывает в рукописи своих воспоминаний бывший его аспирант Владимир Васильевич Микшин, позже работавший проректором и заведующим кафедрой истории Герценовского института, с которым они опубликовали совместно написанные тезисы доклада «О формировании Коммунистической партией трудовой технической интеллигенции в годы второй пятилетки». «Я у него первый аспирант, на мне рождался его опыт научного руководства, — пишет В. В. Микшин. — Наверное, он и сам был в поиске. Первоначально временами он чуть ли не буквально “рукой водил”. Моей рукой. Чтобы

она на его глазах изменила написанное. Такие куски текста в итоге, конечно, оказывались совместными. Для меня они становились образцом, эталоном дальнейшего самостоятельного анализа и письма». Далее В. В. Микшин вспоминает, как появились их совместные тезисы: «Начался сбор материалов для очередного выпуска “Герценовских чтений”. Борис Иванович написал тезисы “Объективный характер подготовки технической интеллигенции в период строительства социализма”. Но в силу установленных ограничений объема (не более 4-х страниц. — В. В.), а может быть, и потому, что осмысление проблемы продолжалось, в завершённый текст вошли не все его выводы. И вот он делится мыслью, которую ему хочется “застолбить” (и именно сейчас, спешно) о народном характере нашей интеллигенции с конца 1930-х годов (в окончательном варианте эта итоговая мысль среди прочего была зафиксирована, в частности, так: “Преобразование трудовой технической интеллигенции в общенародную — процесс объективный и определялся характером специального развития советского общества”)... Мое доверие к научному руководителю — абсолютно. Его предложение воспринимаю как указание к немедленному исполнению. Готовлю текст. Он его дополняет и обрабатывает». Между прочим, подобной же методики работы с начинающими исследователями он, как рассказывает доцент Г. К. Шлыкова, тогда студентка исторического факультета, придерживался и в отношении студентов.

Позже Борис Иванович подготовил статьи совместно с аспирантами В. С. Волковым и С. Ф. Клишиным. Особо значимой была статья Б. Н. Сандина и С. Ф. Клишина [6]. Это была первая комплексная работа о воспитании студенчества в 1930-е гг. Она оказала сильное, хотя и неоднозначное, влияние на историографию этой проблемы в последующие годы.

В процессе работы растущего числа преподавателей и аспирантов кафедры над общей проблематикой закладывались основы того содружества исследователей, которое со временем переросло в герценовскую (ленинградскую) школу интеллигентоведения. В этом отношении показательны две публикации, в которых Б. И. Сандин фигурирует как соавтор, хотя непосредственно в их написании он не участвовал. Во-первых, это статья, опубликованная его аспиранткой Ниной Николаевной Литвиновой в соавторстве со своим научным руководителем [7]. Она работала над диссертацией по истории подготовки инженерно-технических кадров из числа женщин. У Бориса Ивановича была собственная концепция этой темы, он собрал в архивах много материалов, поэтому предложил аспирантке совместно подготовить статью. Однако неожиданная смерть Бориса Ивановича сорвала намеченный план, а на его домашнем письменном столе остались папки с выписками из архивных документов и начало (половина страницы) статьи. Вдова Бориса Ивановича, Инна Борисовна, передала Н. Н. Литвиновой начатую статью и материалы к ней. Мы, трое аспирантов (Литвинова, Клишин и я) обсудили сложившуюся ситуацию. Нина Николаевна решила завершить работу над статьей и указать Бориса Ивановича в качестве соавтора. Мы оказали ей помощь, чтобы хотя бы частично заменить научного руководителя, и статья была опубликована.

Вторая публикация, уже большая книга, где Б. И. Сандин был указан в числе авторов, появилась в свет пять лет спустя после его кончины.

История этой книги такова. В 1965–1966 гг. Борис Иванович твердо решил в самое короткое время написать монографию «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров в годы первых пятилеток», которая стала бы основой диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ректорат обещал ему во второй половине 1967 г. предоставить творческий отпуск для написания монографии. Но реализовать эту возможность Борису Ивановичу не было суждено: 1 марта 1967 г. его не стало. Однако замысел учителя реализовали его ученики — В. С. Вол-

ков, С. Ф. Клишин, В. В. Микшин, А. И. Трус, которые за 4 года подготовили к печати книгу объемом 16 печатных листов. Она вышла в свет в 1973 г. [8]. В предисловии к книге, написанном В. В. Микшиным, излагалась история ее написания. В нем говорилось: «Ее общий замысел принадлежит кандидату исторических наук, доценту Борису Ивановичу Сандину, который первым на кафедре начал исследование деятельности партии по формированию социалистической интеллигенции. В 1956–1967 гг. им был опубликован ряд интересных, оригинальных работ, освещающих отдельные аспекты названной темы, которые сам автор рассматривал как подготовку к осуществлению многогранного исследования обобщающего характера. В 1964–1966 гг. им был разработан план монографии “Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928–1937 гг.)”, собрано значительное количество историографического, а также архивного материала, из которого наибольшую ценность представляют документы Центрального партийного и других центральных архивов. Безвременная кончина Б. И. Сандина прервала успешно начатую работу. В данной публикации его ученики делают попытку осуществить замысел своего научного руководителя. В ходе подготовки книги к печати они исследовали тему по частям, самостоятельно разрабатывая соответствующие разделы. При этом были использованы опубликованные Б. И. Сандиным статьи и устные советы, полученные от него в период подготовки ими кандидатских диссертаций... Собранный Б. И. Сандиным фактический материал был дополнен многочисленными документами, извлеченными из ряда местных архивов. На завершающем этапе работы была предпринята попытка свести подготовленные тексты в единый сборник, придав ему вид в известной степени законченного и целостного исследования» [9].

Монография охватывала все основные проблемы развития высшего и среднего технического образования: развитие сети учебных заведений, подбор преподавательских кадров, набор молодежи в вузы и техникумы, организацию обучения и воспитания студентов, изменения в составе инженерно-технической интеллигенции. В ней нашла отражение деятельность учебных заведений всех видов: институтов, техникумов, промышленных академий, заводов-вузов, фабрично-заводских технических курсов, рабочих факультетов, институтов повышения квалификации инженерно-технических работников, вечерних и заочных учебных заведений. Авторы книги представили в действии всех субъектов развития образования: партийно-государственные органы, профсоюзы, комсомол, рабочую общественность, преподавателей и саму учащуюся молодежь. В результате получилась работа энциклопедического характера: в ней читатель мог найти сведения по всем основным вопросам подготовки инженерно-технических кадров. Ее научная новизна была обеспечена, прежде всего, введением в научный оборот огромного массива источников. Достаточно сказать, что в ней использованы фонды 3 всесоюзных, 3 республиканских, 14 областных архивов, 60 журналов и бюллетеней, свыше 50 центральных и региональных газет, вузовских и заводских многотиражек. Были учтены труды всех предшественников. Для монографии характерен комплексный подход к изучению предмета исследования, который позже вошел в практику историко-политической науки. Для того времени это было самое фундаментальное исследование истории подготовки инженерно-технических кадров в конце 1920-х–1930-е гг. Оно оказало очень заметное влияние на дальнейшее развитие исследований по истории формирования интеллигенции в СССР. В наше время, несмотря на то, что концепция книги устарела, добросовестный исследователь истории технического образования не обойдет ее своим вниманием.

Книга вызвала горячее одобрение герценовцев и была воспринята как лучший памятник Борису Ивановичу Сандину.

К 1967 г., когда Б. И. Сандина не стало, уже сложился своеобразный ленинградский интеллигентоведческий генотип, надолго определивший судьбу кафедры истории КПСС.

Существенное значение имел и моральный фактор. Борис Иванович обладал замечательными моральными качествами, он оказал огромное нравственное влияние на своих коллег и учеников, которые продолжали и продолжают на протяжении более четырех десятилетий начатые вместе с ним исследования истории интеллигенции, считая это своим долгом перед памятью друга и учителя. О действительности «генотипа» формировавшейся под влиянием Б. И. Сандина интеллигентоведческой школы говорит тот факт, что его преемники на посту заведующего кафедрой профессора В. П. Сафронов и В. Ф. Шишкин, хотя сами историей интеллигенции специально не занимались, продолжали привлекать аспирантов к интеллигентоведческой проблематике. Под руководством В. Ф. Шишкина, например, были подготовлены оригинальные диссертации С. С. Белошапкиным, И. Е. Никандровой, В. Л. Лебедевой, В. П. Ярошецкой. В 1970-е масштабы подготовки специалистов в аспирантуре ЛГПИ им. А. И. Герцена расширились. Наряду с В. П. Сафроновым, В. Ф. Шишкиным, П. П. Нижегородовым, Н. А. Зегждой право научного руководства аспирантами получили перспективные доценты Д. А. Егорова, В. С. Волков, В. В. Микшин (два последних вскоре защитили докторские диссертации). В то время в аспирантуру поступили В. Р. Веселов, В. И. Голдин, И. И. Рогозин, Ю. Н. Яблоков, В. В. Фортунатов, Н. Д. Козлов, ставшие впоследствии докторами наук, и другие способные исследователи. Формирование научной интеллигентоведческой школы в значительной степени было обусловлено тем, что ученики Б. И. Сандина В. С. Волков (в 1976–1992) и В. В. Микшин (в 1992–1997) возглавляли кафедру, а А. И. Трус в течение ряда лет был деканом исторического факультета. Изучение в институте на кафедре истории КПСС, истории СССР, научного коммунизма, философии, общей педагогики проблем интеллигенции всячески поддерживал ректор института А. Д. Боборыкин и проректор по научной работе Ю. В. Кожухов. В институте стало действовать во главе с В. С. Волковым межкафедральное объединение по изучению интеллигенции, с которым тесно сотрудничали ученые вузов и научных учреждений Ленинграда, Свердловска, Москвы, Казани, Ростова-на-Дону, Уссурийска, Архангельска и других городов.

Этапными в становлении ленинградской школы интеллигентоведения стали коллективные книги «Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров. 1928–1937 гг.» (Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973), «Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. 1917–1975 гг.» (М.: Политиздат, 1977), отражавшие каждая по-своему черты формировавшейся научной школы. Книга «Советская интеллигенция. Краткий очерк истории» была первым обобщающим исследованием охватившим весь советский период истории российской интеллигенции, остающимся, к сожалению, до сих пор единственным в таком роде. Близкой по значимости к этим работам была книга В. С. Волкова «Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР» (Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976). В целом, основываясь на официальной концепции истории советского общества, эти книги содержали немало новаторских идей, в том числе и методологического характера. В них впервые были четко сформулированы общие и частные закономерности формирования интеллигенции в обществе советского типа и его особенности в СССР. Одновременно в них воплотились и некоторые новые приемы исследования истории интеллигенции.

Ленинградская школа интеллигентоведения складывалась в органической связи со всем научным сообществом; прежде всего с центрами изучения интеллигенции — уральским (лидеры профессора В. Г. Чуфаров и М. Е. Главацкий), новосибирским (лидер профессор В. Л. Соскин) и группой крупных московских историков: С. А. Федюкиным, В. Т. Ермаковым, Л. М. Зак и др. Названные центры активно сотрудничали, чему содействовал Проблемный совет «Культурное строительство СССР и духовное развитие советского общества» при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР.

Советом руководил талантливый ученый и организатор В. Г. Чуфаров. Одно из расширенных заседаний совета, представляющее собой фактически конференцию, проходило на базе ЛГПИ им. А. И. Герцена. Результатом такого сотрудничества стало повышение статуса издававшихся институтом сборников статей по истории интеллигенции — они стали республиканскими. В постоянно действовавшую редакцию сборников вошли ученые из разных городов: М. Е. Главацкий, Л. М. Зак, М. З. Тутаев, С. А. Федюкин. Редактором являлся В. С. Волков, возглавлявший с 1976 г. кафедру истории КПСС ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В широком содружестве ленинградских исследователей интеллигенции в 1970–1980-х гг. сформировались устойчивые черты, которые дают основание считать его ленинградской школой интеллигентоведения. На протяжении этих десятилетий для нее были характерны: постоянное расширение тематики исследований, что служило противовесом распространившейся в 60–70-х гг. практики создания «диссертаций-близнецов», как остроумно назвал М. Е. Главацкий работы, выполненные на одну тему на материалах разных регионов; приоритетная разработка методологии и методики исследования истории интеллигенции; установка на выявление закономерностей формирования и деятельности интеллигенции и особенностей этих процессов в отдельных регионах и социально-профессиональных группах интеллигенции; социально-исторический и социально-классовый подходы к изучению темы; стремление рассмотреть прошлое интеллигенции на широком историческом фоне, извлекать из него уроки и акцентировать внимание на положительных сторонах опыта; и другие черты, в том числе социально-психологического и нравственного характера. Так, несмотря на наличие разных ярких личностей, внутри этого сообщества историков не было борьбы за лидерство и соперничества. Наблюдалось стремление к коллективным формам работы, в том числе практиковалось создание коллективными усилиями крупных совместных работ на основе единой концепции. Общение между отдельными учеными определялось взаимоуважением, принципиальностью, взаимной требовательностью, что особенно наглядно проявлялось при обсуждении рукописей, диссертаций, в полемике на научных семинарах и конференциях, в поддержке начинающих исследователей.

В эти годы были предприняты попытки изучать не только роль Коммунистической партии в процессе формирования интеллигенции, но и других субъектов этого процесса: ВЛКСМ — работы В. И. Голдина, профсоюзов — работы В. В. Фортунатова, Р. В. Шестаковой. Предметом исследования стало сотрудничество советских республик в подготовке специалистов (Ю. Н. Яблоков, В. Н. Лобанов, А. А. Семин). Самостоятельными предметами исследования стали общественные организации интеллигенции: профессиональные союзы с преимущественно интеллигентским составом (С. С. Белашапкин, Р. В. Шестакова, Д. В. Лобок, В. И. Ходанович), союзы художественной интеллигенции (В. П. Ярошецкая, Г. М. Смирнов, И. Е. Никандрова, А. А. Георгиев), научные и научно-технические общества (Е. А. Козлов, Н. Б. Васильева). В. И. Голдин посвятил ряд работ участию ВЛКСМ в формировании нового поколения интеллигенции. Появились работы, посвященные деятельности интеллигенции в разных сферах общественной жизни: научно-технического прогресса (С. Г. Береснев, Н. П. Абакумов, М. В. Канивец), народного образования (Н. А. Голубева, И. Д. Ходанович, В. А. Кудинов, М. И. Сысоев, Т. И. Еремина, В. Р. Веселов), высшей школы (А. И. Трус, М. П. Филиппов, О. Н. Ерошкина), сельского хозяйства (Ф. З. Ходячий, А. В. Воронцов, О. В. Широков), культурно-просветительной работы (З. А. Петрова, Ю. А. Прокофьев), интернационального воспитания населения (Д. А. Егорова, Б. Г. Рожков). Новые черты появились в изучении студенчества. До 70-х гг. студенчество дореволюционного периода рассматривалось преимущественно как самостоятельная общественная сила (такой подход воплощен, например, в работах трудившихся в

ЛГПИ им. А. И. Герцена Н. Я. Олесич и И. И. Рогозина), а советское студенчество воспринималось преимущественно как «предынтеллигенция», будущие специалисты (публикации А. И. Труся, С. Ф. Клишина, М. П. Филиппова, Н. А. Голубевой и др.). Позже стал реализоваться первый подход и к студенчеству советской эпохи. С оригинальными исследованиями выступили Е. Э. Грезина (Платова), К. А. Пшенко, теперь уже доктора наук, посвятив их образу жизни студенчества 20–30-х гг. XX в.

В работах этого времени стали преодолеваются многие догмы, идущие от сталинских трактовок истории советской интеллигенции. Расширение доступа к архивным источникам способствовало изучению новых сюжетов, более объективному освещению истории. На протяжении 1960–1980-х гг. исследователями-герценовцами было защищено по интеллигентоведческой тематике около 50 диссертаций, опубликованы монографии В. С. Волковым, Н. А. Голубевой, В. В. Микшиным, М. И. Сыроевым, А. И. Трусем, В. В. Фортунатовым, Р. В. Шестаковой и др. Защитили докторские диссертации бывшие выпускники аспирантуры ЛГПИ им. А. И. Герцена, работающие в других городах: В. Р. Веселов, В. И. Голдин, С. Н. Чернов, С. Н. Рубцов, Ю. Н. Яблоков и др.

Докторами наук стали ленинградцы-петербуржцы, сотрудничавшие с герценовцами, Е. П. Алексеев, Б. П. Белозеров, А. К. Булкин, Н. К. Гуркина, И. А. Кольцов, А. П. Купайгородская, А. А. Курепин, А. В. Лосик. Однако в проводимой исследовательской работе в 1980-х гг. все острее стал проявляться методологический кризис, являвшийся результатом внедрения идеологами КПСС в общественные науки мифологического представления о советском обществе и жесткого запрета на изучение многих страниц советской истории. В границах, установленных официальными предписаниями, ряд ведущих историков интеллигенции предпринял попытки пересмотреть утвердившиеся в течение десятилетий догмы. В числе первых были и ленинградцы, сознававшие свою ответственность за состояние интеллигентоведения в стране. Толчком к пересмотру методологических основ изучения истории интеллигенции стала статья В. С. Волкова «К научной концепции истории советской интеллигенции» (написана в 1990 г., опубликована в начале 1991 г.). Почти одновременно с ней с аналогичными идеями выступил видный историк из Новосибирска В. Л. Соскин.

Методологический кризис, затронувший ленинградскую-петербургскую школу интеллигентоведения, совпал с радикальными преобразованиями в стране в 1991–1993 гг. Была реорганизована кафедра истории КПСС в Герценовском университете, после чего она утратила свою прежнюю роль в изучении истории интеллигенции, часть ее прежних сотрудников была уволена, некоторые из них отошли от научной работы, аспирантура при кафедре была ликвидирована. Исчезла возможность издавать материалы Герценовских чтений и сборники статей.

Началось постепенное разобщение интеллигентоведов Санкт-Петербурга, хотя приверженность многих из них ранее утвердившимся принципам не исчезла. Самое обнадеживающее явление среди петербургских интеллигентоведов — успешное обновление методологических основ исследований. Избавившись от грубого идеологического диктата власти, получив доступ к ранее закрытым источникам, историки немало потрудились над устранением «белых пятен» в истории интеллигенции, стали более последовательно реализовывать принцип объективности. Стали заметным явлением в историографии интеллигенции публикации молодых докторов наук Н. К. Гуркиной, А. А. Куренина, Е. Э. Платовой, И. А. Кольцова, многих кандидатов наук. Да и ветераны оказались способными сделать шаг вперед в постижении исторической истины. Об этом свидетельствуют изданные в последние годы В. С. Волковым, В. В. Фортунатовым, Е. П. Алексеевым, В. Р. Веселовым книги. В это же время стали появляться и публикации петербургских историков, освещающих историю интеллигенции с позиций либерализма и постмодер-

низма. Радуют научные достижения воспитанников ленинградской-петербургской школы интеллигентоведения, работающих в других городах — В. И. Голдина (Архангельск), В. Р. Веселова (Кострома), Ю. Н. Яблокова (Красноярск), С. Н. Рубцова (Иркутск), С. Н. Чернова (Петрозаводск) и др. Наблюдается перегруппировка научных сил. В частности, многие петербургские историки, занимающиеся интеллигенцией, стали тесно сотрудничать с Проблемным советом Российской Федерации «Интеллигенция. Культура. Власть», руководителем которого является лидер сформировавшейся в 1990-х гг. ивановской научной школы интеллигентоведения профессор В. С. Меметов, и Научно-исследовательским институтом интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, директором которого является тот же В. С. Меметов. Петербуржцы — активные участники международных научных конференций, которые проводятся Проблемным советом и НИИ интеллигентоведения ежегодно, начиная с 1992 г.

...Среди сотен ученых, посвятивших многие годы изучению российской интеллигенции, не затерялось имя герценовца Бориса Ивановича Сандина. В обобщенном виде его вклад в историческую науку составители словаря «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей» оценили в таких словах: «Разработал основы концепции, сформулировал ключевые проблемы истории формирования интеллигенции в СССР, принципиальные методологические вопросы. Обобщил опыт подготовки инженерно-технических кадров. Стоял у истоков ленинградской школы историков интеллигенции» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета, 2012, 13 декабря. С. 2.
2. Волков В. С. Ленинградская (петербургская) школа интеллигентоведения // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей. М.; Архангельск, 2001. С. 100–112.
3. Волков В. С. Школа историка В. С. Меметова: взгляд из Петербурга // Интеллигенция и мир. 2009. № 2. С. 52–57.
4. Архив Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Дело № 1473. — Сандин Борис Иванович.
5. См. например, Сандин Б. И. В. И. Ленин и соотношение мирного и вооруженного путей развития революции после разгрома корниловщины // Учен. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 195. Вып. 2; Мероприятия Коммунистической партии по подготовке хозяйственных кадров без отрыва от производства в годы первой пятилетки // Учен. зап. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1956. Т. 22; О подготовке инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки // Учен. зап. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1958. Т. 191. Вып. 2. И др.
6. Сандин Б. И., Клишин С. Ф. Идеино-политическое воспитание специалистов в высшей технической школе (1928–1934) // Уч. зап. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1967. Т. 283.
7. Литвинова Н. Н., Сандин Б. И. Организационная работа партии по подготовке женских кадров советской технической интеллигенции (1928–1937) // Учен. зап. Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Великие Луки, 1969. Т. 327.
8. Сандин Б. И., Волков В. С., Клишин С. Ф., Микшин В. В., Третьяков А. И. Коммунистическая партия — организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928–1937). Л., 1973.
9. Сандин Б. И. и др. Указ. соч. С. 3–4.
10. История интеллигенции России в биографиях ее исследователей: опыт энциклопедического словаря. Екатеринбург, 2002. С. 159.